

ДВОЙНОЕ ДНО

ВСЕ НЕ ТАК, КАК КАЖЕТСЯ

Я
ЗНАЮ,
ЭЛИС ФИНИ
— КТО
ТЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4(41)
ББК 84(4Вел)-44
Ф59

Alice Feeney
I KNOW WHO YOU ARE

Серия «Двойное дно: все не так, как кажется»

Печатается с разрешения агентств
Curtis Brown Group Limited и The Van Lear Agency

Перевод с английского *Марии Цюрупы*

Оформление обложки *Яны Паламарчук*

Фини, Элис.

Ф59 Я знаю, кто ты: [роман] / Элис Фини; [пер. с англ. М.А. Цюрупы]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 384 с. — (Двойное дно: все не так, как кажется).

ISBN 978-5-17-112028-3

Эйми Синклер — успешная актриса, которая никогда не снимает маску. Никто не знает, какова ее подлинная сущность. Кроме одного человека.

Он подбрасывал ей записки, содержащие всего четыре слова: «Я знаю, кто ты».

Он подписывался именем, которое Эйми старалась забыть.

Он знает все ее слабости и уязвимые места.

И когда муж Эйми бесследно исчезает, она становится абсолютно беззащитной. Теперь ей предстоит найти в себе внутреннюю силу.

Этот триллер искусно сплетает тонкий психологизм и увлекательный сюжет, доказывая, что захватывающей может быть не только интрига, но и эволюция человеческой души.

УДК 821.111-312.4(41)
84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-112028-3

©Alice Feeney, 2018

© Цюрупа М., перевод, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Посвящается Джонни.
Агенты бывают всех форм и размеров.
Мне достался самый лучший.*

*Не все хотят быть кем-то.
Некоторые просто хотят быть кем-то другим.*

Один

Лондон, 2017 год

Я — та девушка, которая кажется вам знакомой, но вы никак не можете вспомнить откуда.

Ложь — это то, чем я зарабатываю на жизнь. Лучше всего я умею становиться кем-то другим. Единственная моя часть, которую я все еще узнаю в зеркале, — это глаза. Они смотрят с загримированного лица выдуманного человека. Еще один персонаж, еще одна история, еще одна ложь. Я отворачиваюсь, собираясь расстаться с очередной ложью на ночь, и на секунду останавливаюсь, глядя на надпись на двери гримерки:

ЭЙМИ СИНКЛЕР

Моя фамилия, не его. Я ее не меняла.

Наверное, потому, что в глубине души я всегда знала, что наш брак будет длиться, только пока жизнь не разлучит нас. Я напоминаю себе, что мое имя определяет, кто я такая, только если я сама это позволяю. Имя — это всего лишь набор букв, поставленных в определенном порядке. Не более чем прихоть родителей, ярлык, ложь. Иногда мне мучительно хочется составить из этих букв что-нибудь другое. Кого-нибудь

другого. Новое имя для новой меня. Той, которой я стала, пока никто не видел.

Знать, как зовут человека, — не значит знать его самого.

Мне кажется, вчера мы все испортили.

Иногда именно те, кто любит нас больше всех, делают нам больнее всего. Потому что могут.

Он сделал мне больно.

У нас вошло в дурную привычку причинять друг другу боль. Чтобы починить, иногда нужно сломать.

В ответ я сделала больно ему.

Я проверяю, не забыла ли я положить свою последнюю книжку в сумку, как другие проверяют, не забыли ли ключ или телефон. Время бесценно, его нельзя упускать, и чтобы убить свое, я читаю на съемочной площадке в перерывах между сценами. С самого детства я предпочитала жить вымышленными жизнями других людей, прятаться в историях, которые заканчиваются лучше, чем моя. Мы — то, что мы читаем. Убедившись, что все на месте, я ухожу. Возвращаюсь к тому и туда, откуда пришла.

Вчера ночью случилось нечто очень плохое.

Я так старалась сделать вид, что ничего не случилось, пыталась выложить из воспоминаний другую картину, но я все еще слышу его слова, полные ненависти, чувствую его руки у себя на шее и вижу выражение, которого никогда раньше не видела на его лице.

Я все еще могу все исправить. Могу починить сломанное.

Самая опасная ложь — это та, которую мы говорим сами себе.

Это была просто ссора, вот и все. Каждому, кто любил, приходилось и ссориться.

Я иду по знакомым коридорам киностудии «Пайнвуд», оставляя позади гримерку, но не собственные страхи и сомнения. Ноги двигаются как-то медленно и

неуверенно, как будто они специально стараются оттянуть момент возвращения домой, боятся того, что ждет нас там.

Я любила его и все еще люблю.

Мне кажется, что важно об этом помнить. Мы не всегда были такими, какими стали. Жизнь меняет человеческие отношения, как море меняет очертания песчаного дна, — размывает дюны любви, формирует берега ненависти. Вчера вечером я сказала ему, что все конечно. Я сказала, что нам нужно развестись, что на этот раз я действительно этого хочу.

На самом деле я не хотела.

Я забираюсь в свой «рендж ровер» и еду в сторону культовых ворот киностудии, приближаясь к неизбежному. Я немного изменяю свою форму: прячу углы, которые не хочу никому показывать, загибаю свои острые края так, чтобы их не было видно. Человек в будке на выезде машет рукой, его лицо принимает приветливое выражение. Я заставляю свое лицо улыбнуться в ответ и уезжаю.

Для меня актерская игра никогда не была способом привлечь внимание и оказаться на виду. Я занимаюсь тем, чем занимаюсь, потому что больше ничего не умею и потому что это единственное занятие, которое делает меня счастливой. Для большинства людей застенчивая актриса — это оксюморон, но это как раз про меня. Не все хотят быть кем-то, некоторые просто хотят быть кем-то другим. Играть роль легко, а вот быть собой мне как раз сложно. Меня тошнит перед каждым интервью и мероприятием. Мне становится физически плохо, я заболеваю от нервов, когда мне приходится встречаться с людьми, будучи собой. Но когда я выхожу на сцену или стою перед камерой, перевоплотившись в кого-то другого, мне кажется, я могу летать.

Никто, кроме него, не понимает, кто я на самом деле.

Мой муж полюбил меня такой, какой я была раньше. Успех пришел ко мне относительно недавно, и как только исполнились мои мечты, начались его кошмары. Сначала он старался меня поддержать, но ему не нравилось мной делиться. И все-таки каждый раз, когда тревога разрывала меня на части, он вновь собирал меня по кусочкам. Что было любезно с его стороны, хотя он и делал это в собственных интересах. Чтобы получить удовольствие от починки, нужно или сперва помедлить, или снова сломать все собственными руками.

Я медленно еду по быстрым лондонским улицам, тихо репетируя реальную жизнь, и иногда с неудовольствием замечаю в зеркале отражение меня ненастоящей. Женщина тридцати шести лет, которую я вижу, недовольна тем, что ей приходится притворяться. Не могу назвать себя красивой, но мне говорят, что у меня интересное лицо. Мои глаза крупноваты для остальных черт моего лица, словно то, что им довелось увидеть, заставило их непропорционально увеличиться. Мои длинные темные волосы выпрямлены профессиональными руками — не моими, — и я теперь худая, потому что так нужно для роли, которую я сейчас играю, и потому что я часто забываю поесть. Поесть я забываю потому, что как-то раз одна журналистка назвала меня «полненькой, но симпатичной». Не помню, что она написала о моей актерской игре.

Это был отзыв на мою первую роль в фильме, роль, которую я сыграла в прошлом году. Роль, которая изменила мою — да и его — жизнь навсегда. Безусловно, она изменила состояние нашего банковского счета, но нашу любовь мы на тот момент уже вычерпали без остатка. Муж был недоволен моим внезапно обретенным успехом. Успех забирал меня у него, и мне кажется, муж хотел

внушить мне чувство собственной никчемности, чтобы снова ощутить себя значимым. Я уже не та, на ком он женился. Я теперь больше, чем она, а ему, я думаю, хотелось кого-то поменьше. Он журналист, по-своему успешный, но это не то же самое. Ему показалось, что он меня теряет, поэтому он вцепился в меня крепче — так крепко, что стало больно.

Мне кажется, в каком-то смысле мне это даже нравилось.

Я паркуюсь на обочине и позволяю ногам отвести меня по тропинке к дому. Я купила дом в Ноттинг-Хилле, потому что думала, что он может помочь нам продержаться какое-то время, пока мы не выплатим долг по нашему заложенному и перезаложенному браку. Но деньги — это всего лишь пластырь, а не лекарство для разбитых сердец и нарушенных обещаний. Никогда еще я не чувствовала, что собственными ошибками загнала себя в такой тупик. Как это часто бывает с людьми, я сама себе построила тюрьму, сложила прочные стены из кирпичей вины и долга. Мне казалось, что в этих стенах не было дверей, однако путь наружу существовал всегда. Просто я его не видела.

Я вхожу и включаю свет во всех холодных, темных, пустых комнатах.

— Бен, — зову я, снимая пальто.

Даже мой голос, произнося его имя, звучит неправильно, не по-настоящему, как чужой.

— Я дома, — сообщаю я другому пустому углу.

Называя это место домом, я чувствую, что лгу. Я никогда здесь не чувствовала себя дома. Птица никогда не выбирает собственную клетку.

Не найдя мужа на первом этаже, я поднимаюсь в спальню. Каждый шаг дается мне с трудом, меня сковывают ужас и сомнение. Сейчас, когда я вернулась на площадку, где разыгрываются наши жизни, воспомина-

ния о предыдущей ночи звучат, пожалуй, слишком громко. Я еще раз зову его по имени, но он снова не отвечает. Посмотрев во всех комнатах, я возвращаюсь на кухню и только сейчас замечаю на столе изысканный букет цветов. Смотрю на карточку, прикрепленную к букету. Там всего одно слово:

Извини.

Проще сказать «извини», чем действительно почувствовать свою вину. Еще проще написать.

Я хочу стереть то, что с нами случилось, и вернуться к началу. Я хочу забыть, что он сделал со мной и что он заставил сделать меня. Я хочу начать заново, но наше время ушло задолго до того, как мы начали уходить друг от друга. Может быть, если бы он позволил мне иметь детей, которых я так хотела любить, все сложилось бы по-другому.

Я возвращаюсь в гостиную и смотрю на вещи Бена, лежащие на журнальном столике: кошелек, ключи, телефон. Он никуда не выходит без телефона. Я осторожно беру телефон, как будто он может взорваться или рассыпаться у меня в руке. Экран оживает и показывает пропущенный вызов с незнакомого номера. Желая взглянуть дальше, я нажимаю на кнопку, и телефон запрашивает пароль Бена. Несколько раз я пытаюсь отгадать пароль, но безуспешно.

Я снова осматриваю дом, но его здесь нет. Он не прячется. Это не игра.

Вернувшись в прихожую, я замечаю, что пальто, которое он обычно носит, висит на месте, а его ботинки так и стоят у входной двери. Я еще раз напоследок зову его, так громко, что соседи за стеной наверняка меня слышат. Ответа так и нет. Может, он просто ненадолго вышел из дома.

Без кошелька, телефона, ключей, пальто и ботинок?

Отрицание — самый разрушительный вид самоповреждения.

В моей голове звучит шепот, круг за кругом повторяя одни и те же слова:

Исчез. Убежал. Уехал. Ушел. Растворился. Пропал.

Потом карусель перестает вращаться, останавливаясь на слове, которое подходит лучше всего. Простое и короткое, оно встает на свое место, как кусочек паззла, который мне неожиданно пришлось решать.

Моего мужа нет.